

шеских увлечений Карамзина, возникших, очевидно, под влиянием представлений, господствовавших в среде московских масонов. Широкий интерес к Лафатеру и его учению, проявившийся в России XVIII и XIX вв., был связан с гуманистической концепцией личности, которую проповедовал швейцарский философ.¹⁵ Тесные связи Лафатера с Павлом Петровичем и Марией Федоровной были свидетельством известной оппозиционности к правительству Екатерины II, что также, по предположению Ю. М. Лотмана, не прошло мимо внимания Карамзина.¹⁶

Но личная встреча с Лафатером во время путешествия в известной мере разочаровала Карамзина, а главное, вернувшись из Европы, он обрел самостоятельность и независимость от масонского кружка. Уже в «Московском журнале» встречается ряд весьма скептических высказываний Карамзина по поводу Лафатера, который «простирает свое умозрение далее надлежащего». ¹⁷ При описании внешности Гердера в «Письмах русского путешественника» Карамзин замечает: «Лоб и глаза его показывают необыкновенный ум». Здесь же, однако, следует поспешная оговорка: «...но я боюсь, чтобы вы, друзья мои, не почли меня каким-нибудь физиогномическим колдуном». ¹⁸ В повести «Наталья, боярская дочь» содержится шутивное замечание в связи с описанием внешности героини: «Сократ говорил, что красота телесная бывает всегда изображением душевной. Нам должно верить Сократу». ¹⁹ Но одновременно Карамзин публикует свою «Сказку о прекрасной царевне и счастливом Карле», в которой развивается мотив Ш. Перро: любовь преобразует некрасивую внешность, и безобразие кажется красотой. Хотя сюжетно эта сказка связана с повестями немецкого новеллиста Антона Валля,²⁰ упомянутый мотив приобретает существенное значение в системе эстетических взглядов и самого Карамзина, и других русских сентименталистов. Они по-своему подходят к тем проблемам, которые на ином, конечно, уровне поставил и Д. Дидро в «Философском исследовании о происхождении и природе прекрасного» (1752). «Есть существа, — писал Дидро, — которые нам нравятся, не будучи красивыми, и другие, которые не нравятся нам, несмотря на их красоту». ²¹ Одна из основных идей этого трактата — «красота заложена в восприятии отношений» ²² —

¹⁵ См.: Heier E. Das Lavaterbild im geistigen Leben Rußlands des 18. Jahrhunderts. Göttingen, 1977; Данилевский Р. Ю. Россия и Швейцария: Литературные связи XVIII—XIX вв. Л., 1984, с. 25.

¹⁶ Лотман Ю. М. Черты реальной политики в позиции Карамзина 1790-х гг. — В кн.: XVIII век. Сб. 13. Проблемы историзма в русской литературе: Конец XVIII—начало XIX в., Л., 1981, с. 118—121.

¹⁷ Московский журнал, 1791, ч. 3, кн. 2, с. 221.

¹⁸ Карамзин Н. М. Письма русского путешественника, с. 75.

¹⁹ Московский журнал, 1791, ч. 8, кн. 1, с. 23.

²⁰ См.: Brang P. Studien zu Theorie und Praxis der russischen Erzählung 1770—1811. Wiesbaden, 1960, S. 150.

²¹ Дидро Д. Эстетика и литературная критика. М., 1980, с. 113.

²² Там же, с. 126.